

Шань Ли испуганно дрожал всем телом. Ему казалось, что человек перед ним невероятно страшен, а лицо от сильного сжатия невыносимо болело. Он заплакал, издавая жалобные звуки, и бессильно забился:

— Уходи, уходи, ууу, я тебя не знаю!

Взгляд Цинь Фэнъяня внезапно сузился. С озлобленным выражением глядя на Шань Ли, он отвесил тому звонкую пощёчину и презрительно бросил:

— Шань Ли, не думай, что если ты притворишься, будто не знаешь меня, я тебя отпущу.

Шань Ли уже два дня ничего не ел. Изнурённый голодом, он лишился всяких сил, и от удара его свалило на землю. Правая щека юноши ударилась о каменные ступени, рассекая кожу глубокой раной. По лицу струилась кровь, боль была невыносимой, и Шань Ли заплакал ещё сильнее.

Заметив его заторможенный взгляд и явную ненормальность, Цинь Фэнъянь на мгновение замер, а затем внезапно почувствовал, насколько всё это абсурдно.

Как бы он ни отказывался в это верить, ему пришлось принять суровую реальность.

Шань Ли превратился в безумца.

Цинь Фэнъянь не мог описать словами то, что творилось у него на душе. Слегка прищурившись, он поднялся на ноги, посмотрел на сидевшего на корточках на каменных ступенях Шань Ли, который даже не пытался обработать рану, и вдруг вспомнил давно погребённые в памяти воспоминания.

Тогда Цинь Фэнъянь ещё не был грозным, внушающим трепет генералом, а носил клеймо сына преступника. Тупой и ничтожный император, поддавшись наговорам коварного маркиза Циньюаня, начисто забыл о том, как отец Цинь Фэнъяня, канцлер Цинь, помогал ему взойти на престол, и приговорил весь их клан к смертной казни через отсечение головы.

А исполнителем этого приговора назначили гнусного подлеца — маркиза Циньюаня.

Тринадцатилетний Цинь Фэнъянь лютой ненавистью ненавидел маркиза Циньюаня, но был бессилён что-либо изменить. Его прижали к помосту для казней, связали по рукам и ногам, и он мог лишь беспомощно смотреть, как одного за другим убивают его родных.

Пока очередь не дошла до него самого. Лишь тогда на площадке появился юный наследник маркиза.

Мальчику было всего десять лет, он был красив и изящен, словно искусно слепленный фарфоровый кувшинчик, но при этом обладал змеиным сердцем, совершенно не соответствовавшим его возрасту.

— Братец Цинь, прошло столько дней, как же ты докатился до такой жизни?

Наследник улыбался так сладко, будто мёдом намазано, а его мягкий детский голосок полоснул Цинь Фэнъяня по сердцу острым ножом:

— Но братец Цинь, ты мне так нравишься! Давай так: стоит тебе лишь признать, что ты не имеешь никакого отношения к клану Цинь, и стать моим рабом, как я попрошу отца пощадить

твою жизнь. Как тебе такое предложение?

Цинь Фэнъянь чувствовал себя униженным до предела. Мрачно глядя на Шань Ли, он никак не мог взять в толк, как тот самый младший брат, который прежде ходил за ним по пятам и звал братцем Цинем, в один миг превратился в такое чудовище.

— Да ты мечтать не смеешь!

Шмяк — пощёчина звонко приложилась к лицу Цинь Фэнъяня.

Это сделал сам юный наследник. С его красивого лица мгновенно исчезла милая улыбка, а глаза, похожие на кусочки чёрного стекла, наполнились не по возрасту жестокой злобой.

— Я соизволил сделать тебя своим рабом, и ты должен почесть это за величайшую честь!

Задрав нос, надменно бросил Шань Ли. Посчитав, что этого недостаточно, он с помрачневшим лицом отвесил Цинь Фэнъяню пинок, после чего мгновенно согнал с лица злость, подбежал к маркизу Цинъюаню и заулыбался — по-детски мило и послушно.

Он принялся капризно выпрашивать у отца подарок, и маркиз с отцовской нежностью согласился на самую чуточку капризную прихоть своего любимца.

Со стороны это выглядело идеальной картиной гармоничных отношений отца и сына!

А сердце Цинь Фэнъяня превратилось в ледяную глыбу.

Его душа будто умерла, а в глазах бушевали волны чудовищной ненависти, когда тот самый изнеженный, красивый наследник не спеша подошел к нему и самодовольно рассмеялся:

— Братец Цинь, как здорово! С этого момента ты — мой раб.

Цинь Фэнъянь был не в силах забыть это унижение до конца своих дней.

Цинь Фэнъянь тихонько усмехнулся и с жестоким блеском в глазах посмотрел на Шань Ли. Внезапно понизив голос, он мягко произнёс:

— Военный советник, как думаешь, что нужно сделать со старым врагом, чтобы отомстить ему сполна?

От этого голоса по спине пробежали мурашки. Военный советник испуганно вздрогнул и, тщательно подбирая слова, ответил:

— Отплатить той же монетой?

Цинь Фэнъянь с жалостью посмотрел на тихо всхлипывающего Шань Ли:

— Но он потерял рассудок.

Охваченный тревогой военный советник не знал, что и ответить, как вдруг услышал, что генерал продолжает говорить сам с собой, понизив голос:

— Но пока не попробуешь, как узнать, подействует ли этот метод на дурака?

Сказав это, Цинь Фэнъянь развернулся и ушёл, больше ни разу не взглянув на Шань Ли.

Шедший позади него военный советник всё же понял его приказ. Он взвалил на спину заледеневшего, потерявшего сознания от потери крови Шань Ли и вернулся в Резиденцию генерала.

Исполняя волю Цинь Фэнъяня, он устроил Шань Ли в гостевом флигеле на востоке. Позвав лекаря, чтобы остановить кровь, советник посмотрел на бледное лицо Шань Ли и тяжело вздохнул.

Военный советник никак не мог взять в толк: Шань Ли и Шань Янь — оба носят одну и ту же фамилию, так почему же к ним такое диаметрально противоположное отношение?

Одного ненавидят лютой ненавистью и притащили сюда, чтобы истязать, а другого генерал носит на руках, задеиствуя все имеющиеся людские ресурсы на его поиски.

Как бы то ни было, военный советник всё равно не знал всего, что произошло в прошлом. Тяжело вздохнув, он вышел из комнаты. Шань Ли был заперт в этой маленькой комнатке. Он не мог выйти наружу, чувствовал себя до ужаса напуганным и, сжавшись на постели, крупно дрожал. Он не сводил глаз с деревянной двери, смертельно боясь, что оттуда вдруг выскочит какое-то чудовище и сожрёт его.

Служанка, приносившая ему еду, была единственным человеком, которого Шань Ли знал. Поскольку она носила ему пищу, всякий раз, видя её, Шань Ли неизменно глуповато улыбался.

Заикаясь, он указал на еду:

— С-спасибо тебе.

Служанка считала подобное поведение крайне глупым, испытывала к нему некоторое отвращение и вела себя совершенно бесцеремонно — ведь даже если бы она отчитывала дурачка прямо в лицо, тыча ему в нос, в ответ тот лишь глупо и счастливо улыбался.

Он ничего не понимал, поэтому ему казалось, будто его за что-то похвалили.

— Ты такой противный.

Двигимая злобой, служанка нарочно опрокинула еду из коробочки на пол:

— Дурак, ты должен съесть это сегодня, иначе я тебя жестоко накажу.

Шань Ли, лишь по привычке услышав слово наказание, испугался. Жалобно сжавшись и втянув голову в плечи, он закивал, а затем подобрал с пола упавшую еду и засунул в рот.

Увидев его жалкий вид, служанка захихикала еще сильнее. Она уже собиралась со злости пару раз топнуть ногами по еде, как дверь за её спиной внезапно распахнулась.

Заметив позади себя безразличного и грозного генерала, она до смерти испугалась, побелела

лицом и рухнула на колени:

— Генерал, помилуйте, служанка не со зла, служанка...

— Что ты сделала нарочно?

Уголки губ Цинь Фэнъяня изогнулись, и он холодно посмотрел на сжавшегося на полу Шань Ли.

— Нарочно вывалила еду на пол...

Служанка знала, насколько жесток этот генерал, и от страха была готова упасть в обморок.

Однако следующие слова генерала повергли её в шок:

— Ты всё сделала правильно.

Охваченная трепетом, служанка поднялась с помощью Цинь Фэнъяня. Она заторможенно смотрела на мягкую улыбку, игравшую на его губах.

— Ты поступила отлично. С животными так и нужно обращаться, не так ли?

На щеках служанки внезапно проступил стыдливый румянец. Она со злости несколько раз истоптала еду на полу, пока белый рис полностью не смешался с грязной землей. Поджав губы, она отвесила поклон и удалилась.

Шань Ли от страха уже не смел даже шевельнуться. Он тупо смотрел на Цинь Фэнъяня, и всё его тело продолжало дрожать.

Генерал бросил на него исполненный скрытого смысла лёгкий смешок, глядя на подобное зрелище.

Он всегда презирал отупевшего Шань Ли.

При нынешнем положении он вполне мог бы подвергнуть его изощрённым пыткам или же просто избавиться от него раз и навсегда, подобно Седьмому вану или маркизу Циньюаню.

В мыслях он вынашивал бесчисленные планы мести Шань Ли, но каждый раз сам же их и отвергал.

Ведь какие бы телесные страдания ни выпали на долю безумца, он всё равно не способен ощутить подлинную боль и горечь.

Какой тогда смысл в подобных терзаниях?

Он должен добиться того, чтобы этот дурак по-настоящему полюбил его.

В глазах Цинь Фэнъяня промелькнул ледяной блеск. На его лице внезапно появилась мягкая улыбка, напоминающая хитрого лиса, замышляющего недоброе. Он поставил на стол сладкую и аппетитную еду.

Низким голосом, в котором слышались нотки обмана, он произнёс:

— Шань Ли, иди сюда, садись кушать.

Но Шань Ли сейчас до смерти боялся. От страха его тело оцепенело, а в глазах стояли готовые сорваться слезы.

Цинь Фэнъянь вовсе не спешил. Он методично и аккуратно убрал то, что было рассыпано и испачкано на полу, после чего вышел вон.

Закрыв дверь, он не ушел сразу, а какое-то время постоял на пороге, прислушиваясь к раздающимся изнутри звукам сглатывания, и лишь затем насмешливо усмехнулся.

Раз уж Цинь Фэнъянь решил опутать слабоумного Шань Ли неизбежными сетями, прежде всего он должен был заставить Шань Ли перестать его бояться.

Выйдя из комнаты, он сразу же велел управляющему прекратить давать Шань Ли какую-либо еду, а затем лично вызвал служанку, которая до этого носила тому пищу.

Девушке шел всего лишь шестнадцатый год — возраст, когда легко поддаться чувствам. Увидев, что столь знаменитый генерал проявляет к ней особую благосклонность, она залилась застенчивым румянцем.

— Генерал, зачем вы позвали служанку, есть какие-то указания?

Облаченный в черные одежды Цинь Фэнъянь криво улыбнулся холодными губами. Приподняв веки, он посмотрел на служанку:

— Это ты всё это время носила еду Шань Ли?

Служанка кивнула:

— Да, генерал. Но я уже поняла ваш приказ и впредь больше не буду носить еду этому дураку.

— Нет, ты будешь ходить.

На мгновение растерявшись и не поняв истинных намерений генерала, девушка в недоумении подняла голову:

— Но вы же...

Стоило ей только вскинуть взгляд, как её словно обожгло исходящим от глаз Цинь Фэнъяня предельным холодом.

— Унижай его, — уголки губ Цинь Фэнъяня изогнулись. — Понимаешь меня?

Не смея послушаться приказа Цинь Фэнъяня, служанка дрожащим шагом удалилась.

Цинь Фэнъянь провожал взглядом её удаляющуюся фигуру, и улыбка на его губах постепенно исчезла. На самом деле, чтобы заставить глупца принять его, у Цинь Фэнъяня имелись тысячи способов и стратегий. Будь то нежное обращение или забота — со временем даже дурачок открыл бы свое сердце.

Но Цинь Фэнъянь ненавидел Шань Ли до мозга костей. Ему не терпелось отомстить самыми жестокими и подлыми методами, с чего бы ему хорошо относиться к Шань Ли?

Поэтому Цинь Фэнъянь приказал всем слугам в резиденции издеваться над Шань Ли и угнетать его. Он хотел, чтобы остальные загнали этого дурачка в тупик, а в самый последний момент самому выступить в роли спасителя и защитить его.

Думая об этом, Цинь Фэнъянь ухмыльнулся еще более жестоко.

После того как служанку вызвали к генералу, она возомнила себя особенной в его глазах и стала вести себя еще более заносчиво и развязно.

Как обычно, прихватив с собой ланчбокс, она направилась в гостевую комнату.

Грубо толкнув дверь ногой, она испугала сидевшего внутри дурачка.

Увидев, как этот глупец дрожа сжался в комочек в углу кровати, служанка брезгливо скривила губы:

— Эй, дурачок, иди жрать.

Вчерашнее страшное лицо служанки все еще пугало Шань Ли. Не смея смотреть на нее, он целиком зарылся с головой в одеяло. Однако он так сильно проголодался, что с досадным морщинками на лбу долго-долго ломал голову, пока наконец не придумал отличный план.

— Поло-ожи на пол.

Он выговорил это невнятно, запинаясь.

Ее крайне раздражала эта неторопливая манера речи, и служанка злобно рявкнула:

— Тупица, если сейчас же не подойдешь, вообще останешься без еды!

Шань Ли потрогал свой пустой животик. Страшно голодный и перепуганный, он жалко посмотрел на служанку, сглотнул слюну и, в конце концов, преодолев страх, направился к ней.

Но стоило ему втянуть голову в плечи, как в следующую секунду служанка попросту выбросила всю еду на улицу в цветочную клумбу.

— Кормить такого идиота — только переводить продукты. Я бы скорее собаке отдала, чем тебе.

Словно совершив какую-то невероятно забавную вещь, служанка радостно рассмеялась. Посмеявшись немного и заметив, что Шань Ли все это время сидит, опустив голову и молчит, она вдруг потеряла интерес и, отвесив Шань Ли пощечину, удалилась.

Шань Ли тупо прижал ладонь к ударенной щеке, глядя на раскиданную по грязной земле еду за окном. Живот заурчал еще сильнее. Он закусил губу и уже хотел перелезть через окно, чтобы подобрать еду, как вдруг с лаем примчался черный-пречерный злобный пес.

Испугавшись, Шань Ли торопливо захлопнул окно и больше не смел выходить из комнаты. Ему оставалось лишь утолять голод обычной водой.

Следующие два дня служанка по-прежнему исправно приносила еду, но не давала ее Шань Ли, лишь намеренно унижая его.

Шань Ли не понимал, зачем она это делает, он лишь чувствовал, что она — настоящая злюка, которая только переводит еду. Он ненавидел ее!

Сжав лицо, Шань Ли с ненавистью уставился на служанку, от всего его вида веяло отчуждением и неприязнью.

Служанка пришла в ярость от такого взгляда. Подумать только, какой-то грязный тупой нищий — да как он смеет смотреть на нее подобным образом!

Служанка тут же пнула его ногой, но, чувствуя, что этого мало, вспомнила про кипящий суп в ланчбоксе, и на ее лице застыла зловещая усмешка.

— Разве ты, дурачок, не хотел поесть? Что ж, ладно, я позволю тебе наесться!

С перекошенным от злобы лицом она схватила большую миску с бульоном из ланчбокса и вылила ее прямо на макушку Шань Ли.

— Ничтожество, давай, жри! Если сегодня же не вылижешь всю эту грязь с пола, я тебя прикончу!

Шань Ли весь дрожал от обжигающей боли. Ему казалось, что его тело охвачено пламенем, боль была почти невыносимой. Не зная, как унять ее, Шань Ли катался по полу и жалобно скулил.

Служанка испытывала все большее злорадство. Собираясь в очередной раз унижить Шань Ли, она вдруг с удивлением заметила, что лицо парня изменилось.

Прежде лицо дурачка было покрыто грязью, но теперь, после ошпаривания горячим супом, пыль смылась, и его черты оказались поразительно изящными и красивыми.

Они ничуть не уступали личикам первых красавиц!

Служанка замерла, впившись ногтями в ладони от зависти. На ее лице застыло мрачное и пугающее выражение: неужели небеса и впрямь настолько несправедливы, раз наделили такого дурака столь прекрасным лицом?

Неужели этот идиот надеется соблазнить генерала?

При одной мысли о том, как взрослый мужчина прижимается к другому мужчине снизу, ее передернуло от омерзения. Ее едва не вытошнило, и, вытащив дешевую железную шпильку, она со злостью вонмила ее в лицо Шань Ли.

Хотя Шань Ли был дурачком, он все же понимал, что такое опасность. Получить удар этой острой шутовщиной должно быть очень больно, к тому же друзья-нищие рассказывали ему, что от острых предметов можно умереть.

Что такое смерть? Шань Ли не знал, но всем существом противился этому слову. Неизвестно откуда в нем взялись силы, и Шань Ли отчаянно сопротивляясь, рванул вперед.

Он оттолкнул служанку и, зажмурившись, вцепился зубами ей в лицо.

Он не ел уже три дня и был страшно голоден, так что едва не откусил кусок мяса от ее щеки. Служанка от боли чуть не потеряла сознание. Она с визгом оттолкнула Шань Ли, а Шань Ли, почувствовав резкую боль от вонзившихся ногтей, наконец разжал зубы и, совершенно обессиленный от голода и одурманенный, попятился назад.

Лицо служанки было изуродовано до кровавого месива, в то время как кожа Шань Ли всё ещё пылала краснотой от ожогов — это была картина взаимного уничтожения.

Простояв у самого входа довольно долго и сочтя момент подходящим, Цинь Фэнъянь слегка изогнул губы в улыбке и вошёл в комнату.

Служанка, решив, что нашла надежную опору, в слезах и соплях вцепилась в подол Цинь Фэнъяня, жалуюсь на то, как этот дурачок Шань Ли её обидел, и в душе не сомневаясь, что Цинь Фэнъянь непременно заступится за неё.

Цинь Фэнъянь с изрядным терпением выслушал её жалобы, однако его пронзительные, похожие на ястребиные глаза были устремлены прямо на Шань Ли.

Шань Ли очень хорошо запомнил этого страшного мужчину, и природное чутье подсказывало ему, что этот человек так же опасен, как дикий зверь.

Он со страхом смотрел на мужчину, не смея даже шевельнуться.

Цинь Фэнъянь же нашел его в таком виде донельзя забавным.

Если не считать той дождливой ночи, Цинь Фэнъянь еще никогда не видел Шань Ли столь

жалкия.

На теле стоявшего перед ним юноши кожа покраснела от пролившегося супа, взгляд был пустым и полным страха, а сам он сжался в комок, воплощая собой крайнюю степень беспомощности.

Глядя на него, Цинь Фэнъянь беспричинно вспомнил сцену своего бывшего унижения. Тогда Шань Ли всё ещё был высокомерным и благородным маленьким ваном. Он насильно сделал его своим слугой и, казалось, при каждой возможности находил радость в издевательствах над ним, вдоволь наслаждаясь его унижением.

Больше всего Цинь Фэнъяню запомнился тот самый случай.

В день одиннадцатого дня рождения маленького вана Маркиз Цинъюань пригласил на свой пир всех влиятельных чиновников династии.

В тот день маленький ван был одет необычайно роскошно и красиво, а на его лице сияла милая и послушная улыбка.

Одной из целей проведения его дня рождения изначально было укрепление связей Маркиза Цинъюань с другими чиновниками, однако этот красивый маленький ван именно в такой момент приказал привести его — тогда еще совсем ребенка — перед собравшимися.

Наверное, для развлечения. Наверное, потому, что унижать его на глазах у всех министров было особенно упоительно.

Так или иначе, его вывели на середину зала.

Его собственное положение тогда было ужасным: все четыре конечности сковывали тяжелые цепи, волосы спутались, вид был изнуренным, а из-за голода, длившегося уже несколько дней, у него едва хватало сил и бодрости духа, чтобы вынести всё это.

В итоге даже этот изнеженный маленький ван смог одним ударом ноги сбить его с ног. Маркиз Цинъюань, увидев его в таком виде, громко рассмеялся: Сын, которым так гордится Канцлер Цинь, на самом деле не выдерживает и детского пинка — какая же это бесполезная никчемная вещь.

Маленький ванъе на редкость молчал и ничего не ответил.

Маркиз Цинъюань произнес: Чэнцзэ, почему ты молчишь? Неужели ты всё еще питаешь нежные чувства к этому своему братицу Циню?

Чэнцзэ было вторым именем маленького ванъе.

Услышав слова маркиза Цинъюань, он первой же реакцией презрительно фыркнул.

Даже если бы все люди на свете стали относиться к нему добрее, этот ядовитый, подобный змеям и скорпионам маленький ванъе никогда бы так не поступил.

Конечно же, маленький ванъе тоже насмешливо фыркнул, уголки его губ изогнулись, а черные, как кристалл, глаза доверху наполнились презрением: С чего бы? Я просто думаю о том, как бы посильнее поиздеваться над этим рабом.

Голос маркиза Цинъюань звучал с некоторым предвкушением: И что же Чэнцзэ намерен делать дальше?

Маленький ванъе опустил взгляд, скрывая эмоции на дне глаз.

Разве он не голодал уже несколько дней? Этот ванъе милостиво разрешает тебе поесть.

Он свалил всю еду прямо на себя.

Хотя еда была вовсе не горячеей, для него это унижение было куда более мучительным, чем если бы на него пролился кипяток.

Точно так же, как сегодня — потерявший рассудок Шань Ли.

Только тогда он сам еще сохранял ясность ума, в то время как Шань Ли уже обезумел и больше не понимал, что такое унижение.

Цинь Фэнъянь выслушал плач и жалобы служанки и только после этого разомкнул губы.

Прочь с глаз.

Служанка никак не ожидала, что Цинь Фэнъянь станет так жестоко наказывать этого дурачка, но еще меньше она предполагала, что первой жертвой наказания окажется она сама. Она растерялась и долго стояла в оцепенении, не в силах прийти в себя.

Она смотрела, как Цинь Фэнъянь шаг за шагом приближается к Шань Ли, и с почти нежным выражением лица помогает тому подняться, отчего в ее сердце закрался смутный страх.

Как такое возможно?

Ведь это сам генерал велел ему измываться над Шань Ли...

Генерал, вы...

Птупай в дисциплинарный зал и получи наказание.

Лицо служанки мгновенно побледнело, как у мертвеца.

Когда служанка удалилась, Цинь Фэнъянь наконец помог Шань Ли вернуться на кровать.

Шань Ли очень боялся Цинь Фэнъяня.

Его первым впечатлением о Цинь Фэнъяне был тот дождливый день и боль от той самой пощечины.

Шань Ли был глуп и не умел отличать хороших людей от дурных, но он панически боялся боли — словно давным-давно уже перенес какую-то страшную пытку.

Он также отчаянно сопротивлялся смерти, и, пожалуй, боялся ее даже больше, чем боли.

Шань Ли поджал губы, зажмурился, не смея взглянуть на него, и всем телом продолжал вжиматься в угол.

<http://bllate.org/book/21501/2203387>